

Представители от науки и политики, начавшие реформы, не учли одного "малого", но крайне важного обстоятельства — нет универсальности выдвигаемых принципов и сформулированных законов. Социально-экономическая система любого государства представляет собой в первую очередь совокупность институтов, сформировавшихся традиций, общепринятых норм и правил, позволяющих хозяйствующим агентам с той или иной степенью эффективности использовать имеющиеся ресурсы. Религия же как институт всегда имела свое место, значение и свою миссию. Гений А. Смита заключается в том, что он соединил своеобразно экономический интерес индивидуума с его нравственно-этическими нормами поведения, предусматривающими и религиозный компонент. Сформулированный витавший уже долгие годы в воздухе тезис о примате эгоистического интереса человека, деятельность которого обеспечивала бы благосостояние как его самого, так и всего общества, обусловил формирование хотя и стихийного, но все же регулируемого "невидимой рукой" нового экономического порядка. В нем хозяйственные принципы и нормы уже доминируют в развитии над религиозными постулатами. Торговля и промышленность, таким образом, в средние века развивались не благодаря, а вопреки существующим этическим законам и правилам. Как известно, именно религия в это время выступала главным институтом, регламентирующим общественную деятельность. "Религия, — пишет Дж. Робинсон, — это способ существования, предписанный нам потому, что он поддерживает мораль, но не мораль как таковую, предписанную постольку, поскольку она вытекает из религии" [*Robinson J. Economic Philosophy. N. Y. 1964. P. 15*].

В лоне протестантской веры, дерзко противопоставившей себя господству ортодоксального католицизма, в ходе Реформации XVI в. формулировались стимулы новой социальной системы с массовой предпринимательской деятельностью. Если официальный католицизм рассматривал необходимость трудиться, добывать хлеб "в поте лица своего" преимущественно как расплату за первородный грех, как своего рода наказание, то протестант уже видел в труде важнейшую жизненную ценность, священный долг перед Богом, обществом и самим собой. Поведенческая и прежде всего экономическая активность получала благословение свыше, и человек как бы вручал себя надежному божественному партнеру. Превращение делового успеха выступает показателем избранности тех, кому даровано предопределение к спасению. Это послужило мощным стимулом эффективного, рационального хозяйствования, ориентированного на получение прибыли.

Как показывал в своих исследованиях М. Вебер, на базе протестантской этики, являвшейся прежде всего "этикой мотивов", зарождался и креп "дух

капитализма", который, по его мнению, сыграл решающую роль в возникновении буржуазного строя и его распространении на другие континенты мира. Но протестантизм утверждался при ожесточенном сопротивлении католического Рима. Со второй половины XIX в., таким образом, начинается мощный процесс секуляризации общественной жизни. В последующем Э. Дюркгейм раскрывает роль религии как стимула активизации участия индивидов в различных сферах общественной жизни, а О. Конт подчеркивает роль и значение обрядов в укреплении социальной справедливости и солидарности граждан.

В России, как известно, новому, т. е. капиталистическому, укладу западного типа достаточно сопротивлялись. И церковь здесь играла, пожалуй, доминирующую роль. Однако все же Туган-Барановский, Милютин и др. под воздействием изменения реальности заявляли: "Мы имели другую историю, но с падением крепостного права... мы такие же" [Булгаков С. Н. Православие. Париж, 1991. С. 357].

Вместе с тем любостыжательство, т. е. погоня собственника за увеличением своего богатства в денежной форме, вызывает особый протест церкви. Она же признает и собственность, но под углом зрения того, что "все творения, все земные блага, по своему существу и природе принадлежат Творцу, что только Он один есть истинный и полный обладатель всех созданий... Человеку право собственности в отношении известной части благ земли принадлежит в том смысле, что он может пользоваться только ее плодами" [Владимир, митрополит. Труд и собственность в учении Русской церкви // Экономика русской цивилизации. М., 1995. С. 365, 366]. Собственность и доходы признаются лишь средствами для жизни, но никак не ее целью. Цель жизни в ее спасении, в достижении вечной благодати жизни. Даже в языках это наблюдается. На европейских языках говорят: "I have", "Ich habe" — "я имею", а по-русски — "у меня есть". Дворянство — также русская особенность, равно как и соборность.

Выдающийся вклад в теорию и практику христианской экономики внесли русские православные монастыри, которые возродили Студийский устав монашеского общежития, развернули широкую хозяйственную деятельность и благотворительность. Семейное хозяйство, описанное в "Домостроях", общины, старообрядческие общежития также представляют особые области христианской экономики.

Кризис индустриальной европейской цивилизации дал основание в противовес утверждению Ницше "Бог умер" задуматься и заявить: "Бог только отступил". И действительно, многие исследователи пытаются найти новую систему координат или новую парадигму, которая бы фиксировала в себе не только стремление к росту, а к такому экономическому развитию, где гуманистическая составляющая была бы доминирующей.

Подводя итог, можно отметить следующее. Во-первых, любая реформа, а тем более нынешняя системная, предполагает прежде всего институциональные изменения. К сожалению, готовых теорий (философских и экономических) здесь не оказалось. Мы до сих пор, говоря о переходном

периоде, не вникаем в то, какие же институты сохраняются, а какие должны уйти в прошлое или замениться на некие новые и как выглядит этот процесс в целом. Во-вторых, институт религии в стабилизации экономики и общества, чего пытаются достичь уже не один год, играет весьма значимую роль. Особенно в нашем обществе, когда вообще отсутствует какая-то идеология, позволяющая консолидировать людей с разными интересами и мотивами поведения. Существует огромное противоречие между целями реформы и христианскими ценностями, традициями. В-третьих, как бы там ни было, но общие экономические принципы, сформулированные теорией, требуют особого наполнения, например, для Беларуси и России. Теоретические наработки здесь крайне скудны, а отсюда продолжение хозяйствования известным методом проб и ошибок, возникновение новых мифов и лжепроблем. В-четвертых, экономическую политику в Беларуси следует проводить, исходя не из желаемых модных абстрактных постулатов, а из реально сложившейся структуры современной экономики. Она же такова, что имеет условия к использованию разнообразных экономических форм и методов хозяйствования. Институт государства, накопивший известный положительный и отрицательный опыт за предшествующие годы, должен четко признать свои возможности, преимущества и ограничения. В то же время религиозный компонент следует принимать во внимание не только для общественной стабилизации, но и в направлении активизации экономической активности, мотивации, которые для белорусского общества в плане достижения целей реформ, имеют одно из важнейших значений. Православной церкви в Беларуси, например, к концу 2000 г. уже доверяли 71.1 % опрошенных, армии — 68.6, президенту — 50.1 % [4 Белорусская деловая газета. 2000. 28 нояб.]. Цифры эти могут меняться и они меняются. Но важно помнить, что они отражают в том числе и степень мотивации отдельных сословий и классов к хозяйственной деятельности. Это уже начинает «работать» социальный капитал. В нем религиозная компонента тоже имеет значение. Например, православные говорят сначала надо молиться, а потом трудиться. Католики утверждают, что сначала надо трудиться, а потом уж молиться. Протестанты несколько иначе формулируют свою идеологию поведения: сам труд и есть молитва. Можно посмотреть на мировую религиозную карту и окажется, что результаты и национальной, и индивидуальной хозяйственной деятельности весьма сильно отличаются.